

ИЛЬЯ СТОГОВ

*Занимательная
археология*

ПАЛ Ы М И Р А
Т В ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 821.161.1+902
ББК 84(2Рос-Рус)6+63.4
С81

Стогов И.

С81 Занимательная археология / Илья Стогов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 220 с., ил. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-517-09574-9

В своей новой книге неутомимый исследователь потаенных уголков культуры Илья Стогов открывает еще одну неочевидную область — жизнь ленинградских и петербургских археологов.

Минуя пыльные кабинеты и университетские кафедры, автор ступает в самую гущу событий, делая главным предметом повествования экспедиции русских ученых. Йемен, Восточная Индонезия, Занзибар, Эфиопия, Чукотка — эти и другие далекие земли оказывались для профессиональных кладоискателей не только местом работы, но и непростым испытанием физических и душевных сил, а нередко и опасным водоворотом общественно-политических событий.

В согласии с избранной темой рассказ основан на своего рода «артефактах» — свидетельствах самих исследователей, их друзей и коллег. Впервые собранные воедино, они позволяют раскрыть характеры и судьбы людей, чьими усилиями создавались основы русского востоковедения и краеведения.

Издание адресовано археологам, этнографам, историкам, а также всем тем, кому интересна история отечественной науки.

УДК 821.161.1+902
ББК 84(2Рос-Рус)6+63.4

ISBN 978-5-517-09574-9

© Стогов И. Ю., 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

когда, вытирая штык о траву,
последний выживший воин моей войны, шатаясь
на непослушных ногах,
расслышит горн «отбой!»,

когда остынут угли пожара,
и будет трудно вспомнить, зачем поджигали,
зачем в лютой ярости рвались в это пекло,

когда станет неважно, удался штурм или нет,
взят редут, или отряд был разбит и отброшен,
и лежащие в грязной траве ни за что не поймут,
зачем вообще было брать тот редут,
вот тогда я стяну через голову насквозь промокший мундир.

вот тогда и я тоже рухну в траву, о которую вытерт штык,
от пламени останутся угли, а от тех, кто пожар запалил,
не останется даже углей,
а самая важная в мире война станет всего лишь датой,
еще одной строчкой никем не читанных книг.

но пока барабаничик еще бьет по натянутой коже,
пока лупит, давно оглохнув, пока не сгибаясь, шагает вперед,
зная, что каждый следующий шаг точно станет последним, —
я стану идти за ним,

сжимая флага древко, словно чужой, не своей рукой,
ничего не видя вокруг, глядя лишь в пламя, что станет
холодным пеплом,
пока не трубили «отбой!», буду и я шагать на непослушных ногах,
не ощущая спиной насквозь промокший мундир.

I

Йемен, руины Мариба, 1965

...а когда машины выскочили за барханы, стрелять по ним начали уже со всех сторон. Автоматные очереди, бухающий пулемет... машину подбрасывало на валунах и люди больно бились головами о крышу, но никто не обращал внимания: только бы успеть, только бы вырваться... и ровно в тот момент, когда до гребня холма оставалось несколько метров, пуля пробила колесо.

В декабре ленинградский востоковед Петр Грязневич отправился в поездку на север Йемена. Вместе с ним ехали несколько сотрудников миссии ЮНЕСКО и небольшой отряд охраны из местных.

О поездке Грязневич мечтал давно: это были интересные места... но в то же время смертельно опасные места. Контролировали регион дикие, никому не подчиняющиеся племена. Первые два дня шло неплохо... а потом они оказались в селении Эз-Захире. Там-то все и началось.

Их попытались заблокировать в селении. Несколько человек встали перед капотом, велели вылезать из машин... В принципе конфликт еще можно было уладить, вылезти, как велят, и решить дело миром, но запаниковавший шофер дал газу и попытался вырваться из лаби-

ринта улочек. После этого стрелять по машинам стали уже со всех сторон.

Из селения они выскочили, но дальше начинались барханы, по которым не проедешь. Шофер выкручивал руль, пытался развернуться, но было поздно: наперерез бежали люди с автоматами, а на крышу ближайшего дома тащили крупнокалиберный пулемет.

Сам Грязневич позже писал: «Теперь стреляют уже, кажется, отовсюду. Боковое зеркало возле меня вдребезги. По песку впереди фонтанчики от пуль. Шофер в ужасе тормозит, и машина сразу начинает буксовать: мы „сели“. Второй лендровер пролетает мимо нас, но тоже идет юзом и оседает на бок: пробито заднее колесо. Несколько пуль попадает нам в кузов».

Пригибаясь как можно ниже, они выползли из машин и прямо под огнем попытались вытолкать машину из песка. Пулемет с крыши лупил без остановок. Под буксующее колесо археологи запихали спальные мешки и куртки и все же сумели высвободить лендровер из песка. Подскакивая на камнях, машина сразу уносится вниз по склону: шофер даже не попытался их подобрать, а бросился спасаться сам.

«От нелепости происходящего, от подлости трусливого шофера, — продолжал Грязневич, — я прихожу в ярость. Поднимаю сумку, навешиваю на шею фотоаппарат, распрямляюсь во весь рост и иду вслед за исчезнувшей машиной: шофер не мог уехать далеко, я его верну.

Сзади кричат, но мне уже не остановиться. Я иду по склону и ощущаю цепенящую жуть: видно меня отовсюду. Сбоку взметнулось три-четыре фонтанчика. После этого стало абсолютно тихо. Внутри все сжалось, я уже казню себя за никчемную выходку. Я делаю еще один шаг... и еще один... и жду: сейчас... вот сейчас...»

Йемен — это сказочная страна на самом юге Аравии. В плане археологии — удивительное, уникальное место. Но даже в мирные времена раскопки там можно вести только под вооруженной охраной. Когда в Йемен впервые приехал я, там было еще относительно спокойно. Но пока мы ехали от столицы до центра соседней провинции Хадрамаут, преодолеть пришлось больше тридцати блокпостов.

По пути нас сопровождал джип со станковым пулеметом. В тех краях копали немцы, которые рассказывали, что из-за проблем с племенами живут в лагере безвылазно: утром на раскоп, вечером домой, выходить в город нельзя. Дом, в котором они жили, обнесен двойным рядом бетонных заграждений.

А Петр Афанасьевич впервые попал в страну еще и в самый разгар гражданской войны. Тогда исследовать городища было просто смертельно опасно.

На арабском Востоке советских в те годы стало вдруг особенно много. В основном это были советские военные.

Владимир Дудченко
Бывший военный переводчик
в Южном Йемене

Мой курс в Институте военных переводчиков набирали в 1967-м, сразу после очередной арабо-израильской войны. И сперва никто из нас не понимал, что происходит.

На мандатной комиссии сидит куча генералов и полковников. Спрашивают: «Какой язык желали бы изучать?» Ребята,

как обычно, называют английский, французский или любой другой европейский. А им в ответ: «Хорошо, мы учтем ваши пожелания». Но изучать отправляют все равно арабский. Мой поток на арабское отделение определили почти полностью — сразу человек сто.

Сергей Французов
Институт восточных рукописей РАН

В СССР готовили много востоковедов, специалистов по арабским странам. Но с самого начала было ясно, что знания у них будут чисто книжными, вычитанными, — в «стране изучаемого языка» никому из них побывать, скорее всего, не доведется. С прозападно-ориентированными арабскими монархиями отношений у СССР тогда не существовало вообще никаких. А потом вдруг все стремительно изменилось.

Владимир Дудченко
Бывший военный переводчик
в Южном Йемене

Курс арабского языка мы проходили по интенсивной программе. Подъем в 7:00, но уже за час до этого, с шести утра, транслировался вчерашний урок, а сразу после него, сегодняшний урок. Считалось, что так вот, в полусне, мы лучшие усвоим и лексику, и грамматику.

Все быстро, по-военному. Два года почти круглосуточной учебы. А после второго курса: гражданская одежда — самолет — Каир — Суэцкий канал. Стажировку мой курс проходил в Египте. Там как раз началась новая война с Израилем. Советниками в действующих частях египетской армии работали советские офицеры, а мы состояли при них переводчиками.